Ростовская СТАРИНА

Выпуск№ 25 (194)
Сентябрь, 2023

Газета Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»

К 140-летию Ростовского музея

Драгоценные инскрипты: дарственные записи А. А. Титова графу А. С. Уварову

Ил. 1. Андрей Александрович Титов. Портрет в издании: «Из записной книги А. П. Бахрушина. Кто что собирает» (М., 1916)

Ил. 2. Граф Алексей Сергеевич Уваров

Фонды Государственной публичной исторической библиотеки России в Москве хранят сотни экземпляров трудов и изданий купца и историка Андрея Александровича Титова (1844–1911), одного из основателей музея в Ростовском кремле (ил. 1). Более пятидесяти из этих книг являются уникальными – они содержат автографы ростовца, а также издателя его трудов – Ивана Александровича Вахромеева (1843–1908), свояка, ярославского купца и собирателя рукописей. Оба они адресовали свои издания многим деятелям русской науки, литературы и культуры.

В числе обладателей раритетных экземпляров книг с дарственными надписями в столичной библиотеке – историки Дмитрий Иванович Иловайский, Владимир Константинович Трутовский, филолог и археолог Иван Васильевич Помяловский, археограф Елпидифор Васильевич Барсов, писатель Федор Александрович Гиляров, ярославский поэт и журналист Леонид Николаевич Трефолев, купцы-коллекционеры – Алексей Петрович Бахрушин, автор записок «Кто что собирает» (кстати, с заметками о собраниях рукописей А. А. Титова и И. А. Вахромеева; публикуемый портрет Андрея Александровича – из этой книги), Петр Иванович Щукин, создатель знаменитого Щукинского музея в Москве, и многие другие.

Драгоценными в этом ряду дарственными записями, безусловно, являются инскрипты А. А. Титова на книгах, которые он дарил графу Алексею Сергеевичу Уварову (1825–1884) – крупнейшему российскому ученому-археологу, основателю и председателю Императорского Московского археологического общества (ил. 2). Основная часть Уваровского книжного собрания еще в начале советской эпохи попало в фонды Исторической библиотеки, и потому именно здесь выявляются эти особо ценные экземпляры титовских трудов, свидетельствующие об очень многом – тесной духовной связи ученых – маститого москвича и увлеченного местной историей ростовца, высоком научном авторитете первого и чувстве благодарного ученичества второго, которое сыграло решающую роль в сохранении памятников Ростовского кремля и создании в его стенах музея.

На рубеж 1870–1880-х годов пришлась эпоха знаменательного знакомства и близкого сотрудничества ростовского купца А. А. Титова с графом А. С. Уваровым. Начинающий историк и археолог с первых моментов знакомства был очарован личностью Уварова. Маститый «сиятельный» ученый, увлеченный исследователь и защитник памятников отечественной древности, был доступен для простого общения и смог открыть деятельному купцу в просветительской сфере, как он позднее отмечал, «целый мир новых понятий». Отношение благодарного ученичества было пронесено Андреем Александровичем через всю его жизнь и кипучую ученую деятельность – в качестве местного историка-археолога, реставратора, археографа, создателя одного из лучших в России провинциальных музеев.

Это отчетливо прочитывается в дарственной записи А. А. Титова на одной из его ранних книг – «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском»: «*Нашему всероссийскому руководителю и учителю в истории и археологии графу Алексею Сергеевичу Уварову от благодарного Андрея Титова*» (ил. 3).

Примечательно, что запись в брошюре появилась в день проведения заседания Московского археологического общества 6 ноября 1881 г., состоявшегося под председательством А. С. Уварова. Согласно опубликованным протоколам общества, в тот день в «Археологическом доме» на Берсеневской набережной (знаменитые палаты XVII века Аверкия Кириллова) в числе участников заседания, наряду с членом-корреспондентом МАО А. А. Титовым, были именитые отечественные ученые: архимандрит Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), Д. Н. Анучин, Е. В. Барсов, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, В. Е. Румянцев и другие.

Среди участников того заседания был и Александр Иванович Кельсиев (?–1885), молодой и талантливый археолог, хранитель Политехнического музея, член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Московского археологического общества, ближайший помощник графа Уварова в археологических разысканиях в разных уголках Российской империи. Именно А. И. Кельсиев открыл в июле 1878 г. в Ярославской губернии неординарного председателя Ростовской земской управы и купца А. А. Титова. В провинциальном коммерсанте Кельсиев обнаружил не только радетеля «о пользах и чести своего родного края», но и обрел на годы вперед большого друга. Именно ему Титов был обязан вхождением в круг столичных ученых, приобщением к «большой» археологии – науке, понимаемой широко, в уваровском значении, как «совокупность разнообразнейших сведений о памятниках древности».

Внимание участников заседания МАО 6 ноября 1881 г. привлекли не столько «новые данные» о митрополите Ростовском, сообщаемые в новейшем издании А. А. Титова, сколько опубликованный в книге старинный рисунок «древнего архиерейского дома в Ростовском кремле, в котором жил св. Димитрий, и остатков внутренних лепных украшений, найденных в одной из полуразрушившихся палат этого дома».

С той поры идея восстановления из руин памятников Ростовского кремля владела А. А. Титовым, всемерно поддерживаемым графом А. С. Уваровым и другими коллегами по МАО. В начале 1882 г. секретарь общества В. Е. Румянцев сообщал А. А. Титову: «Граф А. С. Уваров с большим сочувствием относится к Вашим заботам о Белой палате...». Именно тогда по инициативе Титова фотограф И. Ф. Барщевский создал первую серию своих знаменитых снимков памятников Ростова. 12 марта уникальный альбом из 55 фотографий был преподнесен в дар Археологическому обществу. «Превосходный подарок Вы сделали Археологическому обществу – ростовский альбом», – восклицал А. И. Кельсиев в письме к другу.

Вновь обращаясь к неприметной с виду записи А. А. Титова в его издании 1881 г., на одном из сотен тысяч книжных экземпляров в собрании Исторической библиотеки, ныне с очевидностью осознаешь, какого значения перед нами исторический источник – драгоценный памятник эпохи, свидетельствующий о духе и неравнодушии к родной истории людей, способствовавших большой и счастливой судьбе Ростовского кремля, ставшего памятником-музеем.

Еще две книги из фондов Исторической библиотеки, подаренные А. А. Титовым графу А. С. Уварову в один день – 24 апреля 1883 г., свидетельство не только новых контактов и встреч ученых. Этот год оказался памятен окончанием реставрации Белой палаты в Ростовском кремле и открытием здесь 28 октября музея. В преддверии ожидаемых и волнительных для ростовского историка и его соратников событий А. А. Титов заметно расширил свою исследовательскую и публикаторскую деятельность. В ряду новых просветительских изданий – и первый выпуск документального сборника «Ростовская старина», и «Путеводитель по г. Ростову Ярославской губернии». В заголовок последней книжки автор впервые в своей публикаторской практике вынес словосочетание «Ростов Великий», вскоре вошедшее в привычный обиход многих. У всех на глазах рождался новый Ростов – Ростов Великий, с его величественным кремлем и музеем, свидетелем былого величия истории Ростовской земли.

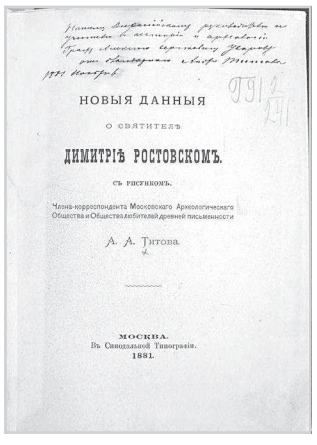
Граф А. С. Уваров был не просто свидетелем этих заметных преобразований в Ростове Великом, но и тем, кому А. А. Титов был обязан – всемерной поддержкой, нравственными и профессиональными уроками «в истории и археологии». На подаренном сборнике «Ростовская старина» Андрей Александрович начертал: «*Его сиятельству графу Алексею Сергеевичу Уварову усерднейшее приношение от А. Титова*» (ил. 4). Путеводитель по Ростову Великому он снабдил проникновенной записью благодарного ученика: «*Его сиятельству графу Алексею Сергеевичу Уварову с глубоким уважением и благодарностью приносит А. Титов*» (ил. 5). Показательно, как быстро путеводитель попал в руки учителя: 26-м марта датировано предисловие автора к книге, а уже 24 апреля он подарил ее графу. В этом издании было многое из того, чем в своей просветительской практике был уже оснащен А. А. Титов: «Описание это предназначается для путешественников, посещающих Ростов с целью поклониться святыням и обозреть драгоценные памятники русского зодчества XVII века».

Еще один выявленный автограф А. А. Титова, адресованный графу А. С. Уварову, находится в экземпляре книги «От Ростова Ярославского до Переяславля-Залесского», напечатанной под псевдонимом «А. Каово» в 1884 г. Здесь читаем: «*Его сиятельству графу Алексею Сергеевичу Уварову*» (ил. 6). Как писал рецензент издания, «автор поездки в Переяславль, известный в России археолог, задался в своем труде целью представить то варварское обхождение с памятниками древнего церковного зодчества, которому они подвергаются в разных местностях нашего отечества» (Исторический вестник. 1885. № 1. С. 145). Работа А. А. Титова на примере плачевного состояния церковного зодчества Переславля-Залесского была посвящена вопросам сохранения памятников. В заключении автор прямо указывал на значение и роль в решении этих вопросов МАО: «Оставлять далее в этом положении древности невозможно. Единственный способ, который следует употребить для их сохранения – это безотлагательно принять к исполнению меры, когда-то предполагавшиеся Императорским Московским археологическим обществом».

Книга вышла в свет осенью 1884 г., когда Алексей Сергеевич Уваров был уже тяжело болен. Графа-археолога не стало 29 декабря 1884 г., и этот труд А. А. Титова оказался последним приношением благодарного ученика своему учителю. Экземпляр содержит штемпели «А. Титов», «Библиотека А. Титова», что, может указывать, скорее, не на принадлежность личной библиотеке, а желание автора оставить в экземпляре раскрытым свой псевдоним (Каово – так в древности называлось ростовское озеро Неро).

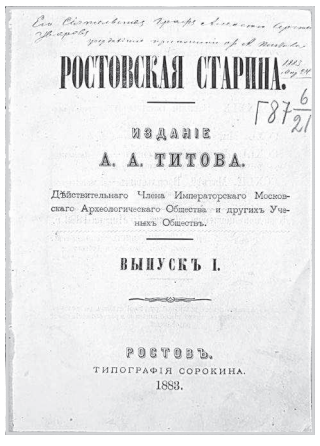
Иногда, казалось бы, обычные записи на книгах, которые нередко попадаются читателям на экземплярах из библиотечных хранилищ, могут рассказать о многом. Инскрипты А. А. Титова графу А. С. Уварову в Государственной публичной исторической библиотеке России – зримая часть большой истории Ростовского кремля и Ростовского музея.

Ярослав Смирнов



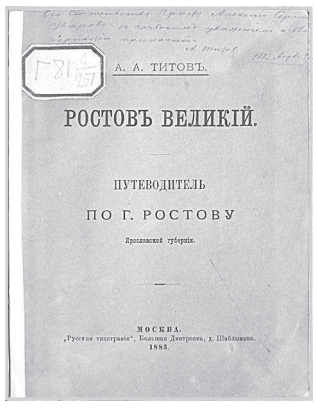
НОВЫЯ ДАННЫЯ
О СВЯТИТЕЛѢ
ДИМИТРІѢ РОСТОВСКОМЪ.
съ рисункомъ.
Члена-корреспондента Московскаго Археологическаго Общества и Общества любителей древней письменности
А. А. Титова.
МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1881.

Ил. 3. Автограф А. А. Титова на обложке книги «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском» (М., 1881)



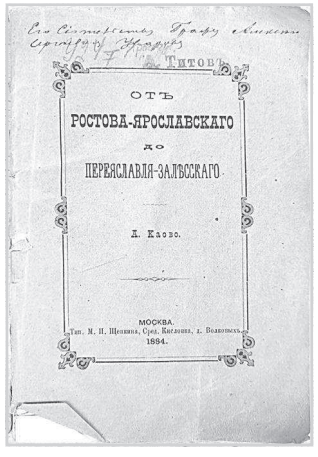
РОСТОВСКАЯ СТАРИНА.
ИЗДАНІЕ
А. А. ТИТОВА.
Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и другихъ Ученыхъ Обществъ.
ВЫПУСКЪ I.
РОСТОВЪ.
ТИПОГРАФІЯ СОРОКИНА.
1888.

Ил. 4. Автограф А. А. Титова на титульном листе книги «Ростовская старина», выпуск 1 (Ростов, 1883)



А. А. ТИТОВЪ.
РОСТОВЪ ВЕЛИКІЙ.
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО Г. РОСТОВУ
Ярославской губерніи.
МОСКВА.
1883.

Ил. 5. Автограф А. А. Титова на обложке книги «Ростов Великий. Путеводитель по г. Ростову Ярославской губернии» (М., 1883)



ОТЪ
РОСТОВА-ЯРОСЛАВСКАГО
ДО
ПЕРЕЯСЛАВЛЯ-ЗАЛѢССКАГО
А. Каово.
МОСКВА.
1884.

Ил. 6. Автограф А. А. Титова на обложке книги «От Ростова Ярославского до Переяславля-Залесского» (М., 1884)

К 140-летию Ростовского музея

Первая книга в музейной научной библиотеке

В значительное книжное собрание Ростовского кремля, помимо солидной коллекции старинных рукописей и старопечатных книг, входит и сугубо «прикладной» фонд – научная библиотека, призванная обеспечить сотрудников музея изданиями по предметам их научных интересов: каталогами, справочниками, монографиями, научными журналами и др. Количество записей в инвентарной книге библиотеки уже превышает 50 тысяч экземпляров.

Изначально все поступающие в Ростовский музей церковных древностей предметы вносились в общую инвентарную книгу, заведенную при его основании. Уже на четвертом листе, под порядковым № 43, записан своеобразный «первый кирпич» в фундамент научного библиотечного фонда:

«Древле-славянская псалтирь, Симоновская, до 1280 г., т. IV, труд архимандр[ита] Амфилохия. С рисунками и древними буквами, в голубом переплете» (ил. 1, 2).

Ил. 3. Епископ Угличский Амфилохий (Павел Иванович Казанцев) (1818–1893). Фото

Речь идет не о само́й старинной рукописи, а о ее издании, вышедшем в 1881 г. в московской типографии И. Ефимова. Книга была подарена музею самим издателем, архимандритом Московского Данилова монастыря Амфилохием (1818–1893) (ил. 3).

Помимо обязанностей, связанных непосредственно с его духовным саном, архимандрит Амфилохий посвятил себя изучению, описанию и публикации памятников древней письменности. В одной из прижизненных биографических публикаций о нем говорится: «Трудно составить перечень всего написанного арх. Амфилохием: в этом затрудняется и сам почтенный автор...» (из статьи П. В. Владимирова «Амфилохий, ученый архимандрит»).

До изобретения фотопечати, применимой к полиграфии, публикация какого-либо документа, максимально точно воспроизводящая оригинал (факсимиле), была весьма непростой задачей. Факсимильные издания архимандрита Амфилохия выполнены при помощи литографии, когда каждый лист рукописи буквально срисовывалась, а рисунок переносился на литографский камень, с которого печаталась книга.

Архимандрит Амфилохий, в миру Павел Иванович Казанцев, был уроженцем Калужской губернии, но Ростовская земля не была для него чужой: при возведении в сан архимандрита в 1852 г. он был поставлен в Борисоглебский на Устье монастырь, настоятелем которого пробыл до 1856 г. Затем, после двух десятилетий служения в нескольких подряд московских монастырях, в 1888 г. Амфилохий был хиротонисан во епископа Угличского и поставлен во главе первого в истории Ярославской и Ростовской епархии викариатства.

Древле-Славянская
Псалтирь
Сѵмоновская до 1280 года,
СЛИЧЕННАЯ ПО ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИМЪ И РУССКИМЪ ПЕРЕВОДАМЪ
Съ Греческимъ текстомъ и Еврейскимъ.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ,
дополненное молитвами и изображеніемъ Царя Давида и буквами, рѣзанными на пальмѣ и оттиснутыми въ текстѣ Псалтири.
ТРУДЪ
АРХИМАНДРИТА АМФИЛОХІЯ.
ТОМЪ IV.
МОСКВА.
Типографія И. Ефимова, Больш. Якиманка, д. Смирновой.
1881.

Псалтирь,
СЛИЧЕННАЯ ПО ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИМЪ ПЕРЕВОДАМЪ, СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ТЕКСТОМЪ И ЕВРЕЙСКИМЪ.
КАѲІСМА А.
Ѱалóмъ давидовъ а҃ безъ надписанія ѹ еврéевъ.
П. А. Симъ псалмомъ, который есть заглавіе и сокращеніе всея сея книги, изъясняетъ Давидъ качество и состояніе праведныхъ и нечестивыхъ людей.
Блаженъ мѹжъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пѹти грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи гѹбителей не сѣде: Но въ законѣ Господни воля егѡ, и въ законѣ егѡ поѹчится день и нощь. И бѹдетъ, яко древо насажденное при потокахъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время своѐ, и листъ егѡ не ѿпадетъ, и всѐ, елико аще творитъ, ѹспѣетъ. Не такѡ нечестивіи, не такѡ: но яко плевы, ихъ же возметаетъ вѣтръ ѿ лица земли. Сегѡ ради не ѹстоятъ нечестивіи на сѹдѣ, нижѐ грѣшницы въ сонмѣ праведныхъ. Яко вѣсть Господь пѹть праведныхъ: а пѹть нечестивыхъ погибнетъ.
Ѱалóмъ давидовъ в҃. безъ надписанія ѹ еврéевъ.
П. А. Давидъ образомъ разговора описываетъ Христовыхъ враговъ, Его достоинство, званіе и Ему подчиненныхъ.

Ил. 1, 2. Книга «Древле-славянская псалтирь, Симоновская...» (М., 1881) – первое научное издание в собрании Ростовского музея

Но близким другом Ростовского музея он стал еще раньше, чему подтверждением служит рассматриваемое издание – самое первое в собрании музея. Книга не является факсимильным изданием, но тоже не лишена полиграфических изысков. На титульном листе книги указано: «Второе издание, дополненное молитвами, изображением Царя Давида и буквами из Пандекта Антиоха XI в., Юрьевского Евангелия 1118–28 г. и Ирмолоя XII–XIII века, резанными на пальме». Кроме того, наш экземпляр напечатан в две краски: черную и красную.

Дарственная надпись на другом, подаренном музею, издании позволяет заглянуть в творческую мастерскую ученого: «В Ростовский музей от Амфилохия Епископа Угличского. Редкий экземпляр. Один только остался у меня, и тот желаю подарить в Московскую Духовную Академию. 16 марта 1891 г. Копировал с подлинника литографическою тушью Архимандрит Амфилохий, теперь Епископ Угличский, отпечатывал на камне литограф и гравер Димитрий Гаврилов, уже умерший».

Небольшую часть из солидного корпуса изданий, подаренных архимандритом, а позднее епископом Амфилохием Ростовскому музею – в роскошных переплетах фиолетового бархата с золотыми буквами, муаровыми форзацами и позолоченными медными застежками – можно видеть в одном из книжных шкафов на реконструированной первой экспозиции музея в Белой палате.

Дмитрий Чекмасов

Краткая история коллекции икон в Ростовском музее

В течение восьми столетий (991–1788 гг.) в Ростове, как одном из ранних центров христианства на Руси, находилась епископская кафедра, под управлением которой были монастыри и храмы огромной территории. Это способствовало развитию церковной культуры, в частности, иконописи.

Очевидно, что первые иконы в Ростове появились еще при основании епископской кафедры и строительстве первых храмов в X–XI веках. Сохранившиеся до наших дней самые ранние ростовские иконы датируются XIII–XIV веками. Ныне они принадлежат Государственной Третьяковской галерее. Есть и в собрании Ростовского музея икона XIII века – двусторонняя выносная с образом Божией Матери «Умиление», написанном на лицевой стороне иконной доски в конце XIV века (первоначальный образ XIII века не сохранился). А на обороте иконы представлено изображение второй половины XIII века – «Мученики Евстафий и Фекла» (ил. 2).

Ростовские иконы есть и в других музеях, но основная коллекция местных икон находится в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль».

Ил. 1. Экспозиция Музея церковных древностей в Отдаточной палате Ростовского кремля. Почтовая открытка, изд. Д. А. Иванова. Начало XX в.

Эта коллекция начала формироваться с первых дней открытия Музея церковных древностей в Ростове 28 октября 1883 г., в день памяти святителя Димитрия Ростовского (ил. 1). К открытию музея предводитель ростовского дворянства Дмитрий Александрович Булатов преподнес иконы, принадлежавшие его матери, Марии Андреевне Булатовой, рожденной княжны Голицыной. Коллекцию икон он сопроводил подробным рассказом об истории этих икон. И последующие дарители чаще всего сообщали происхождение и историю икон.

В уставе Братства Святителя Димитрия, созданного в 1884 году, архиепископ Ростовский и Ярославский Ионафан обратился ко всем благочинным помочь Ростовскому музею в приобретении церковных предметов: икон, рукописей, книг, крестов, сосудов и прочее, которые из-за древности уже не используются. И Ростовский музей на многие годы получил неиссякаемый источник поступления древних церковных предметов. Среди икон, переданных в музей, были выдающиеся произведения, сохранившиеся до наших дней: крест дьяка Стефана Бородатого (1458 г.; резьба по камню), деревянная скульптура Георгия Победоносца (XV в.), покров преподобного Авраамия Ростовского (1553 г.), Царские врата ростовской церкви Вознесения (XVI в.). Из ростовской церкви Толгской иконы Божией Матери в музей поступило 63 иконы, из храма Николы во Ржищах – 62 иконы, также поступили иконы из Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря, Петровского и других монастырей Ростова и его окрестностей. Комитет музея приобретал иконы и на деньги жертвователей.

Продолжение – на 3-й стр.

К 140-летию Ростовского музея

Краткая история коллекции икон в Ростовском музее

Продолжение. Начало – на 2-й стр.

Иконы в музей поступали не только из Ростова, но и из монастырей и храмов многих городов Ярославской, Костромской, Вологодской губерний, из собора Романова-Борисоглебска, Воскресенского монастыря в Угличе, Борисо-Глебского монастыря, из церкви Ильи Пророка в Ярославле и др. Так, Иван Александрович Шляков (1843–1919), член комитета Ростовского музея церковных древностей, вместе с художником Василием Васильевичем Верещагиным обнаружили двое Царских врат в Софийском соборе Вологды, а в Макарьевском-Унженском монастыре Костромской епархии – иконы XVII века. С их списком из семнадцати икон комитет Музея церковных древностей обратился к епископу Костромскому и Галичскому Александру и епископу Вологодскому и Тотемскому Израилю с просьбой содействовать в приобретении этих икон. И все иконы были присланы в Ростовский музей. За первые пять лет существования Музея церковных древностей было собрано 212 икон.

В 1890-е гг. в музее началась реставрация икон. В Ростове иконы реставрировали Владимир Владимирович и Федор Владимирович Лопаковы. Иконы также реставрировали в Москве.

Музей церковных древностей в Ростовском кремле занимал Белую, Отдаточную палаты и «Княжьи терема». Кроме икон здесь располагались картины, покровы, шитье и коллекция монет. Иконы размещались в киотах, для некоторых икон были изготовлены особые подставки из дерева, выполненные в музейной школе-мастерской резьбы по дереву.

В 1909 г. был издан каталог с описание 265 икон Ростовского музея церковных древностей. Описание составил член комитета музея Иван Николаевич Богословский (1858 – ок. 1923 гг.).

Музей был открыт для посещения ежедневно, кроме Пасхи, с 9 до 2 часов по полудню. Вход был бесплатным. Среди посетителей музея были и члены царской семьи, и простые крестьяне. Особенно любили музей художники. Сюда приезжали В. И. Суриков, В. В. Верещагин, И. И. Левитан, И. Е. Репин, Н. К. Рерих, К. Ф. Юон, деятели науки и культуры Д. И. Иловайский, И. А. Бунин, А. М. Горький, Ф. И. Шаляпин.

Покровителями Ростовского музея были великие князья Сергей Александрович (с 1892 г.) и Николай Михайлович (с 1910 г.). Почетными членами музея – император Николай II, великий князь Владимир Александрович, митрополит Московский и Коломенский Иоанникий, архиепископ Херсонский и Одесский Никанор, ученые Ф. И. Буслаев, Е. Е. Голубинский, В. О. Ключевский и др.

В первые годы Советской власти в Ростовский музей поступили реквизированные иконы из коллекции А. А. Титова (243 иконы) и иконы из закрывающихся церквей. С конца 1920-х гг., с ужесточением государственной политики в отношении церкви, иконы в музей практически не поступали. Целые иконостасы древних ростовских церквей сдавались в Госфонд. В 1930-е гг. из инвентарных книг Ростовского музея были исключены 252 иконы, в 1952 г. изъято 284 иконы, в 1962 г. из фондов музея списали и сожгли на территории Митрополичьего сада 75 икон. В то же время уничтожение икон в Ростовском музее сочеталось с неоднократным поступлением из закрывающихся церквей других икон. Так, в 1941 г. в Ростовский музей поступили иконы XV–XVI веков из села Гуменец, в 1954 г. – из закрывшегося Борисоглебского краеведческого музея (в прошлом древнего Борисо-Глебского монастыря).

В 1969 г. Ростовский музей получил статус архитектурно-художественного музея-заповедника. С начала 1970-х гг. оживляется экспозиционная, реставрационная и научная деятельность. Возобновляется работа по комплектованию коллекций музея. Каждое лето сотрудники музея предпринимали собирательские экспедиции по Ростовскому и Борисоглебскому районам, в результате которых в конце XX века было приобретено несколько древних икон XVI–XIX веков.

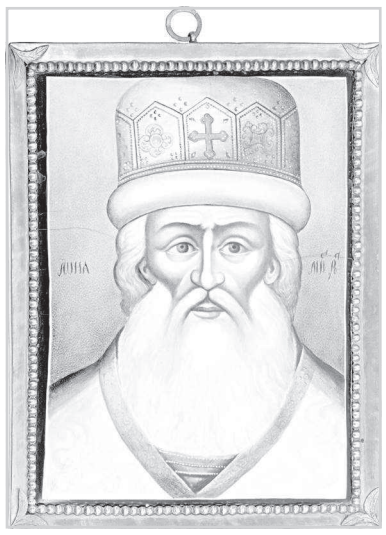
С 1970-х гг. начинается планомерная реставрация ростовских икон, при которой участвовали не только музейные реставраторы, но каждый год летом приезжали 5–7 реставраторов из Центральных реставрационных мастерских имени И. Э. Грабаря. Кроме того, иконы реставрировали в других реставрационных центрах Москвы и Ярославля.

На сегодняшний день в Ростовском музее хранится 1500 икон, из них реставрировано около 400. По сравнению с другими музеями это очень мало. Среди нереставрированных икон есть интереснейшие, уникальные шедевры, которые могли бы обогатить наше представление о ростовской иконе.

Вера Вахрина

Ил. 2. Старейшая икона (двусторонняя) в коллекции Ростовского музея – «Святые мученики Евстафий и Фекла». Вторая половина XIII в. (на обороте – «Богоматерь Умиление». Конец XIV в.). Происходит из ц. Иоанна Богослова на Ишне

Ростовский музей церковных древностей и ростовская финифть



Ил. 1. Портрет Ростовского митрополита Ионы Сысоевича. Начало 1880-х гг. ГМЗРК

Ил. 2. Портрет иеромонаха Амфилохия. Вторая четверть – середина XIX в. ГМЗРК

Комитет Ростовского музея церковных древностей с самого начала своей деятельности весьма компетентно курировал целый спектр вопросов музейной деятельности. Создатели музея заботились в первую очередь о формировании музейных коллекций во всей полноте архитектурно-художественных и исторических артефактов Ростовской земли. Среди пополнявших музей предметов изделия ростовской финифти играли далеко не последнюю роль.

Буквально в первые месяцы жизни музея наряду с другими ценными экспонатами в фонды попал портрет строителя Ростовского кремля митрополита Ионы Сысоевича, выполненный в традиционной для Ростова технике живописи по эмали (ил. 1). Впоследствии стали поступать и другие экспонаты, в числе которых был портрет монаха Спасо-Яковлевского монастыря Амфилохия – хранителя мощей святителя Димитрия Ростовского (ил. 2).

В последующие годы фонды пополнились уникальными иконами работы известных мастеров, в том числе иконой «Ростовские святители Иаков и Димитрий» кисти Я. И. Шапошникова (?) (ил. 3). Конечно, массовое поступление финифти в фонд музея началось позже – с 1920 г. – в результате экспроприации церковного имущества. Однако эта тема выходит за рамки данной публикации, а вот о роли Ростовского музея церковных древностей в художественном образовании в целом и обучению мастерству финифти, в частности, следует сказать несколько слов отдельно.

Комитет музея непосредственно предпринимал меры к развитию ростовской финифти. В частности, 15 ноября 1903 г. в Белой палате состоялось совещание по поводу открытия классов рисования для обучения живописи по финифти. Были приглашены преподаватели Ростовского городского училища, член Ростовской земской управы А. А. Маринин, «содержатели финифтовых мастерских» и художники А. И. Уткин, А. А. Назаров, П. Н. и И. Н. Евдокимовы, С. Д. Воронов, И. А. Виноградов и А. В. Соловьев. Сведения об этом содержатся в соответствующем извещении, составленном на бланке музея (ил. 4).

Данный документ свидетельствует, что музей способствовал оказанию помощи ростовской финифти в трудный для него период, когда в целом по России народные иконописные промыслы, частью коих являлась финифть, испытывали трудности как финансового, так и художественного порядка.

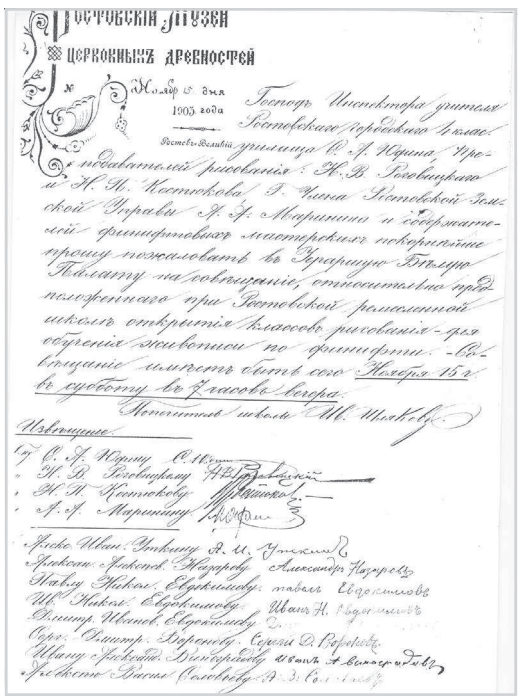
Под опекой музея в городе с 1904 г. функционировал Ремесленный класс рисования, иконописи, резьбы и позолоты по дереву, а специально для финифтяников были открыты воскресные занятия по рисованию. Попечителем школы был И. А. Шляков. Уроки рисования вел учитель Н. В. Роговицкий.

В своей статье о ростовской школе резьбы и позолоты по дереву Е. В. Брюханова не без оснований утверждала, что главную организаторскую деятельность и направление в развитии школы определял и осуществлял музей. Своей основной задачей он считал необходимость «привести в обиход жизни любовь к родной старине путем популяризации тех предметов древнего уклада русской жизни, какие находятся в Ростовском музее».

Как видим, забота о художественной образованности финифтяников была одним из важных направлений деятельности Ростовского музея церковных древностей.

Вера Пак

Ил. 3. Я. И. Шапошников (?). Ростовские святители Иаков и Димитрий. 1830-е гг. ГМЗРК



Ил. 4. Извещение Ростовского музея церковных древностей о совещании в Белой палате, посвященном открытию классов рисования для финифтяников. 15 ноября 1903 г. ГМЗРК

Музейный предмет

«Красный» колокол

В музейной экспозиции «Колокола и колокольчики» находится колокол ярко-красного цвета (ил. 1, 2). Уникальность его состоит в том, что он является одним из последних русских церковных колоколов, произведенных на заводе, который сумел проработать дольше других колокололитейных предприятий России.

Колокол был отлит на заводе «братьев Усачевых» в 1928 г. Производство Усачевых считалось старейшим колокололитейным предприятием в городе Валдае Новгородской губернии. За качественное литье Усачевы удостаивались высших наград на престижных выставках в России и за рубежом.

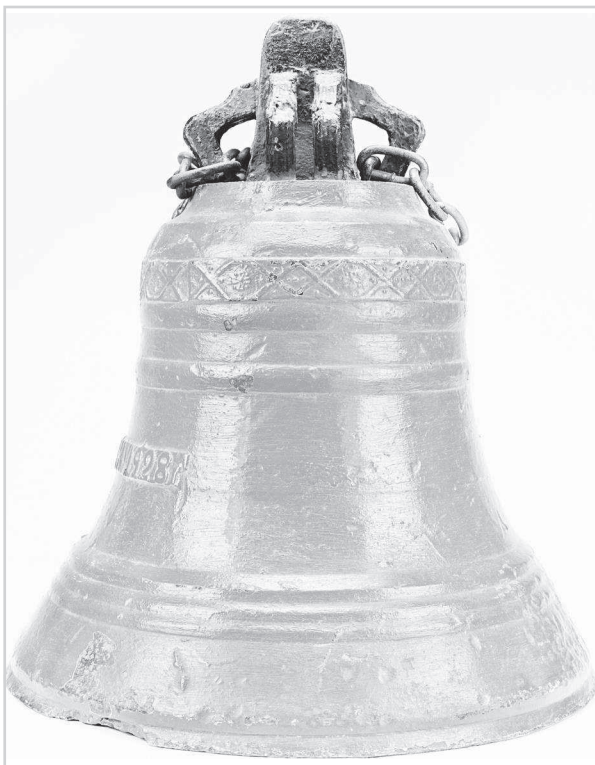
Колокольное дело этой семьи начинал Василий Васильевич Рожков, арендовавший в 1850-е гг. небольшой завод, который затем выкупил. На производстве изготавливались ямские (поддужные) колокольчики и церковные колокола. Впоследствии В. В. Рожков решил выделить свою линию в родословии семьи, стал называться Усачевым – в память о своем отце, который имел прозвище «Усач».

После смерти В. Рожкова в 1876 г. его жена Пелагея Ивановна взяла дело в свои руки и поставила его так, что изделия завода Усачевой стали охотно брать на выставки.

Владельцами родительского производства, зарегистрированного как «Завод братьев Усачевых», становятся купец 2-й гильдии Николай Васильевич и мещанин Яков Васильевич Усачевы. Завод работал до января 1930 г. При этом Яков Васильевич вследствие репрессий, начавшихся в Валдае после крупного антибольшевистского восстания, в 1918 г. прекращает колокольное дело и покидает Валдай.

При заводе остался Николай Васильевич Усачев, работавший в это время вместе со своим сыном Николаем. Несмотря на то, что завод фактически принадлежал только одному из братьев Усачевых, колокольное предприятие по-прежнему называлось «Завод братьев Усачевых». Производство колоколов на заводе не прекращалось, а в условиях НЭПа, в связи с массовым закрытием колокольных предприятий, стало даже возрастать. Дело в том, что колокола издревле являлись сигнальным средством, поэтому помимо церквей, колокола использовались на вокзалах (вплоть до 70-х годов XX в.), пожарных вышках, в театрах и на кораблях.

В 1929 г. при обложении завода налогом фининспектор не согласился с представленной декларацией и возбудил против Н. В. Усачева и его сына уголовное дело о сокрытии доходов. В январе 1930 г. завод был закрыт, а его владельцы 6 февраля 1930 г. осуждены на два года лишения свободы с последующей высылкой и лишением имущества.



Ил. 1, 2. «Красный» колокол «братьев Усачевых». Валдай. 1928 г. ГМЗРК. Фото В. Иванова

Но вернемся к музейному колоколу. На тулове имеется пять широких рельефных поясков. Вверху – орнаментальный пояс, где в геометрическую плетенку вставлено соцветие в виде крестиков. Между двумя верхними и нижними поясками – надпись гражданским шрифтом: «ЗАВОД БР. УСАЧЕВЫХ Г. ВАЛДАЙ. 1928 г. ».

В советское время колокол использовался на пожарной вышке, а также был покрыт тремя слоями краски (черный, желтый и красный), причем не только внутри, но и снаружи. Тем самым краска образовала своеобразную пленку, которая не дает звуку колокола раскрыться в полной мере, поэтому красивое звучание бронзового колокола «отдает» металлическим дребезжанием, напоминающим звук чугуна.

Увидеть колокол и услышать его звучание можно в экспозиции «Колокола и колокольчики».

София Грибанова

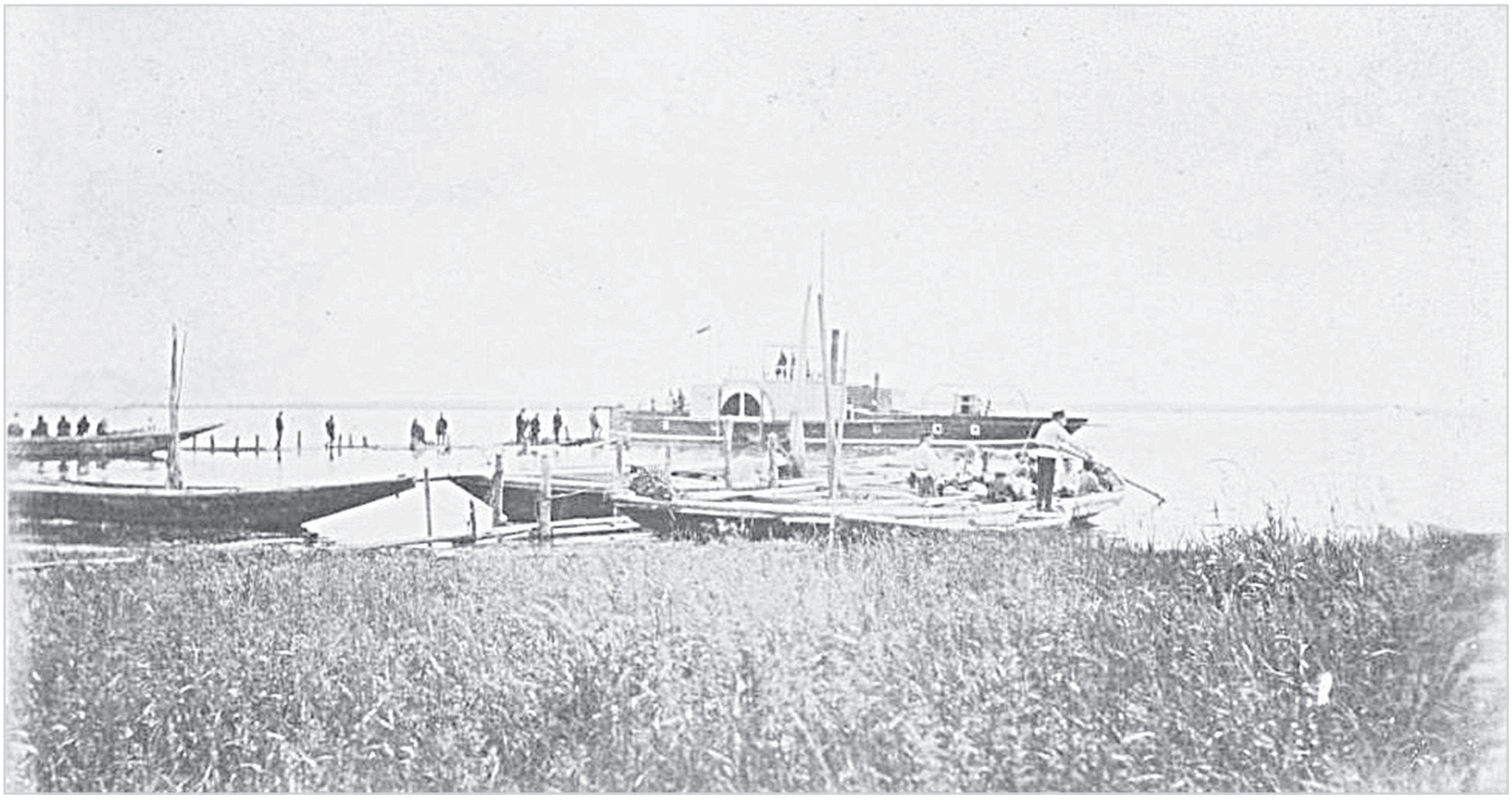
По страницам газеты «Северный край»

Повседневная жизнь ростовцев на рубеже XIX–XX веков

В конце XIX в. корреспонденты «Северного края» сравнивали жизнь Ростова со стоячей водой озера, на берегу которого расположился город: «Спокойна и ровна ее поверхность... А если над ней иногда и пронесется грозный ветер, если и взбаламутит ее чуть не до дна, то это очень ненадолго: пролетит ураган или стихнет ветер, и опять поверхность гладка и ровна, и снова лениво-безмятежно смотрит она» (№ 130 от 17.05.1900). Ростовцы наделялись такими качествами как эгоизм, подъяремность, проявляемой в рабской психологии, и подверженность различного рода социальным страхам (№ 93 от 08.04.1905).

Суеверия, обращения к знахарям и гадалкам, любовь к сплетням и слухам были неотъемлемой частью повседневной жизни ростовских «обывателей». В 1899 г. в городе появились «прорицатели», предсказывавшие скорый конец света вследствие столкновения с Землей кометы. Рассказывали о проходивших в Успенском соборе собеседованиях, где предлагалось покаяться и «безропотно, в посте и молитве ждать надвигающейся беды» (№ 196 от 28.06.1899).

Продолжение – на 5-й стр.



Ил. 1. Пароход «Николай I» у пристани на озере Неро в Ростове. Фото. Конец XIX в. ГМЗРК

По страницам газеты «Северный край»

Повседневная жизнь ростовцев на рубеже XIX–XX веков

Продолжение. Начало – на 4-й стр.

Большое количество публикаций было посвящено устройству обычной жизни ростовцев. В рамках темы городского транспорта освещались его «неприглядные» стороны. Писали, что для извозчиков была установлена плата за проезд, выше которой они не могли требовать с пассажира, однако «такса осталась сама по себе, а извозчики – сами по себе». Приезжая в Ростов ночным поездом из Москвы или Ярославля, особенно в грязную осеннюю или весеннюю пору, ростовцу приходилось нанимать извозчика. «“Эй, извозчик!” – кричит обыватель, выходя из вокзала. Извозчик ни с места. “Подавай”, – требует обыватель. “Занят”, – отвечает желтоглазый (распространенное прозвище извозчика. – *А. К.*). Обыватель к другому. Тот же ответ. Он к третьему – то же самое». После вмешательства полицейского оказывалось, что «извозчика никто и не думал нанимать, а просто извозчик рассчитывает на какого-нибудь иногороднего, с которого можно получить за проезд лишний четвертак» (№ 280 от 25.10.1902).

Весной, когда на озере Неро полностью растаивал лед, начинал ходить пароход. В конце XIX в. пароходный перевоз пассажиров и грузов находился в руках жителя села Угодичи М. Н. Фафурина, который использовал деревянный буксирный пароход «Николай I» (об этом см. в публикации: *Морозов А.* О пароходном сообщении на озере Неро // Ростовская старина. 2021. № 18. С. 7) (ил. 1).

В «Северном крае» был помещен репортаж-фельетон, автор которого вскрыл неприятные стороны этой немаловажной части жизни города и уезда. В один из воскресных дней в Ростове намечался крестный ход, и «пароходчик Ф.» ожидал многочисленный приток богомольцев, которые должны пройти через его село, «от усталости напиться мутной воды в его обширном трактире и затем переправиться на его же пароходе через многоводное озеро в город. Немало гривенников и пятачков там и здесь должно перейти из заскорузлых от вешней работы мужицких рук в его пространные, как сусеки, карманы… Руль каким-то чудом прослужил целый день и сломался у самой пристани, когда пароход готовился сделать последний рейс с большим количеством пассажиров». Пассажиры были вынуждены три часа дожидаться, пока разводили пары на другом пароходе. «Но бодро и весело расхаживал пароходчик, радуясь, что запоздалые пилигримы подойдут к тому времени к берегу и отдадут ему должную лепту». Пароход не мог подойти к берегу, и пассажиры были вынуждены доходить до него по «наплавному мосту», который от тяжести нескольких человек погружался в воду. «И тянутся старики и старухи, ребята и бабы с берега и на берег по колено в воде, оступаясь и скользя робкой ногой под водою… а пароходчик Ф., жалея смазных сапог, переезжает с пристани на берег на собственной лодке» (№ 169 от 27.06.1900).

Нередко на страницах газеты находили место бытовые проблемы горожан. Считали, что одной из особенностей жизни Ростова «с незапамятных времен» было отсутствие «сносных торговых бань». На берегу озера около церкви архидиакона Стефана (восточнее Городского сада) располагались «бани Ковалинского», представлявшие собой «деревянный, сгнивший барак, грязный до безобразия, развалившийся и грозивший ежеминутно падением… со сквозными в стенах дырами, истлевшим полом и провалившейся крышей. Предбанники холодные, в самой бане чуть не по колено – грязь… Женская половина отделялась от мужской одной перегородкой. Из этой перегородки некоторые безобразники вынимали доски и лезли к женщинам» (№ 74 от 20.03.1902).

Позднее на другом месте, также на берегу озера, для бань был построен кирпичный одноэтажный «сарай». Вода зимой здесь «бывала тухлая и грязная, в самых банях не только не было какого-либо комфорта, но не хватало самых обыкновенных приспособлений». Пытались построить торговые бани в центре Ростова, но «ничего не вышло. Оказалось, что грязную воду некуда спускать, кроме озера» (№ 74 от 20.03.1902).

Во второй половине XIX в. острой оставалась проблема, связанная со снабжением ростовцев водой. Жители использовали зимой талую воду, а в теплое время года чаще всего пользовались услугами водовозов (№ 33 от 05.02.1905). В 1886 г. на средства ростовского купца А. Л. Кекина для фабрики «Рольма» был построен водопровод, которым было разрешено пользоваться и рядовым горожанам. Для оплаты за использование воды (1 копейка за 10 ведер воды) были выпущенные специальные жестяные марки, которые необходимо было опускать в кружку при водоразборной будке, однако «при поверке за месяц отпуска воды в кружках находили вместо марок старые пуговицы, ржавые гвозди, осколки стекла… Обыватели плутовали и за воду денег платить не желали» (№ 19 от 21.01.1902).

В 1900 г. Городская дума обсуждала вопрос о покупке фабричного водопровода. Для этого было решено потратить 250 тысяч рублей, полученных от продажи паев Ростовской льняной мануфактуры, завещанных А. Л. Кекиным городу (№ 130 от 17.05.1900). В начале 1903 г. водопровод перешел в ведение города, однако в этот период ростовцы остались без воды: «Водопроводная комиссия объявила о продаже водяных марок в различных местах, но эти места не озаботилась снабдить марками. По старым же маркам, проданным ранее, отпуск воды из водоразборных будок воспретили». 2 января 1903 г. жители обращались за «водяными марками» и «в некоторых случаях бесплодно» (№ 4 от 05.01.1903). С течением времени данная ситуация была урегулирована. В 1904 г. в Ростове была построена водопроводная линия от кремля до пересечения Благовещенской (современная улица Луначарского) и Окружной улиц (№ 33 от 05.02.1905).

В декабре 1904 г. на заседании Городской думы было принято решение об устройстве в Ростове электрического освещения, для чего было решено произвести заем в 60 тысяч рублей, увеличенных вскоре до 75 тысяч (№ 3 от 04.01.1905; № 90 от 05.04.1905). Корреспондент «Северного края» сообщал, что в ходе работ по установке фонарных столбов рабочие столкнулись с «подлостью» горожан: «Монтеры размерили Ярославскую улицу (современная улица Пролетарская. – *А. К.*), поставили тычки, где должны стоять столбы для фонарей… Утром явились землекопы рыть ямы для столбов, вырыли их и поставили несколько столбов, как вдруг монтер заметил, что столбы не соответствуют местам по чертежу… Оказалось, ночью домовладельцы тычки переставили, каждый поближе к своему дому. Пришлось переставлять несколько столбов и лишить сообразительных домовладельцев плодов их выдумки» (№ 157 от 24.06.1905). Осенью 1905 г. установка электрического освещения была закончена, керосиновые фонари оставались на окраинных и малонаселенных улицах. Во время пробного включения освещения «публика высыпала толпами на улицы, и устроилось нечто вроде гулянья» (№ 264 от 09.10.1905).

Основным местом для отдыха жителей считался Городской сад (ил. 2), где по воскресеньям и четвергам устраивались гулянья. За посещение сада арендатор взимал 10 копеек. Развлечение состояло в «беспрестанном» хождении «взад и вперед около здания, громко называемого “ротондой”. В то время как музыка молчит, публика чинно сидит на лавочках, частенько сплетничает. Как же заиграет музыка, все, как боевые кони, неравнодушные к маршам, встают, и под такт музыки начинают быстро или тихо ходить, а потом садятся опять» (№ 183 от 27.07.1905).

В позднее время суток в Городском саду оставались «только подозрительные личности обоего пола, не останавливающиеся пред самыми наглыми предложениями. В самом ресторане в это время происходит беспробудное пьянство и кутеж. Интеллигентный обыватель в это время уже боится быть в саду. От хулиганов частенько попадает ни за что в физиономии. Тут же в маленькой беседке идет карточная игра» (№ 183 от 27.07.1905).

Корреспонденты отмечали, что любовь к кутежам проявлялась, прежде всего, среди купечества, и корни данного явления уходили в прошлое: «И трактиры в то время были веселые! Чего хочешь, того и просишь. В них были и певицы, были и мамзели, были и отдельные кабинеты, в которых шла азартная карточная игра по тысячным кушам… Существовали злачные места под именем “Черное море”, где топились денежки, был Рагозин, существовал Колодин, известен был Савельич, Влас и др[угие] упоительные личности… Милых, но погибших созданий поили до потери сознания, затем заставляли в костюме Евы канкинировать к великому удовольствию пьяного купчины и его присных» (№ 19 от 21.01.1902).

Беспокойство вызывало поведение представителей городского «дна»: пропившихся мастеровых и фабричных, «зимогоров», изгнанных из монастырей послушников, «странников-тунеядцев», которые «меряют ногами святую Русь из религиозного чувства». В понедельники и дни после праздников на тротуарах близ казенных винных лавок «они потягивают монопольку, мирно беседуют между собой, обнимаются, даже целуются и потом – трах, трах! Наделяют друг друга затрещинами. Мирятся, вновь выпивают, вновь дерутся и, в конце концов, окончательно захмелевши, ищут укромного уголка, где бы выспаться». Здесь происходили карточные игры, были слышны «отборная словесность и звуки гармоники… Тут же где-нибудь в сторонке за кустом или прямо в траве какая-нибудь растрепанная, пьяная Елена непрекрасная с точно таким же Парисом практически склоняют глагол любить» (№ 204 от 03.08.1901).

По свидетельству очевидцев, среди этой категории жителей Ростова процветало попрошайничество: «Три зимогора входят в один магазин и требуют подачки. Приказчик отказывает. Тогда один из вошедших оборачивается и спрашивает: “А много ли у вас в магазине окон?” Хозяйка вместо ответа выдает зимогорам пятачок, и они уходят в другой магазин. Там не дали ни копейки. Компания выходит на улицу, один из них берет камень и сразу выбивает два стекла в окне магазина!» (№ 94 от 12.04.1903).

Уличное хулиганство было распространено и среди молодых «саврасов». Сообщали, что в ночь на 26 апреля 1902 г. «большинство скамеек на бульваре по Окружной улице было сломано: где были сорваны доски, а где они выворочены вместе с тумбами и сброшены под откос бульвара, к канаве». «Наглые приставания, дерзости и идиотские шутки иной раз принимают такие размеры, что гулянья [ростовцев] оканчиваются ранее обыкновенного: публика спасается домой» (№ 115 от 03.05.1903).

Как видим, корреспонденты «Северного края» затрагивали различные темы, связанные с повседневной жизнью ростовцев, часто категорично характеризуя и показывая ее «изнутри»; создавали картины быта, настроения и нравов жителей Ростова рубежа XIX–XX столетий.

Алексей Киселев

Ил. 2. Городской сад в Ростове. Почтовая открытка. Начало XX в.

Ростовская кухня

Поварской наставник начала XIX столетия

В маклерских книгах города Ростова конца XVIII – начала XIX в. нередко встречаются договоры и контракты между лицами разных сословий на обучение тому или иному ремесленному мастерству: портному, сапожному, столярному, золотарному, иконописному, финифтяному и др. В одной из маклерских книг начала XIX в. нам встретился договор на обучение подростка поварскому делу.

«Условие» было составлено в октябре 1808 г. Его заключили «пример майорша» Надежда Николаевна Протасьева и Михаил Семенов Кузнецов – служитель «госпожи бригадирши» княгини Натальи Григорьевны Голицыной. Очевидно, Кузнецов являлся личным поваром Голицыной (ил. 1).

Содержание договора состояло в приеме Кузнецовым крепостного мальчика Протасьевой Семена Федорова на обучение поварскому мастерству. В документе определена продолжительность срока обучения – 3 года – и стоимость – 450 рублей. За это время Кузнецов обязывался научить мальчика на кухне «всему, что сам разумеет».

Разнообразие кулинарных умений повара, состоящее в перечне блюд в старинном документе, довольно внушительно и представляет безусловный интерес. Обратимся к этому занимательному списку.

Кухонный наставник обязывался научить поваренка готовить щи – зеленые и «штуфатные», ленивые и суточные; варить борщ, супы – белые и красные, желтые и зеленые, стряпать потроха, паштеты, из говядины холодные рулеты, галантины, а также винегреты. В реестр учебных блюд входили всевозможные соусы – красные и белые, желтые и зеленые. В процессе обучения мальчик должен был овладеть умением готовить разнообразное жаркое и десерт «антраме».

Повар брал на себя миссию передать ученику секреты разнообразной выпечки – пирожков, подаваемых к супу, хлебных «колец», «розанов» и загадочного «фигаро» (вероятна, разновидность пирога). Тут же значатся – тертое масло, вафли и бисквиты, «кропли разные» и миндальные, ситные кренделя. Из муки и теста поваренок должен был уметь самостоятельно изготовить макароны – шинкованные, рубленые, толченые.

К закускам относились разные «кремипешные», холодное желе, бланманже, шпик, рыбные столы и грибные «папушники». К напиткам – кислые «шти», квасы, различные меда – белые, красные, лимонные. Кроме того, ученику гарантировалось овладение мастерством заготовки соленой рыбы, приготовления духовой и провесной солонины, духовой ветчины...

Согласно условиям договора, если вдруг Кузнецов еще на начальной стадии обучения заметит, что мальчик к поварскому делу не способен, он должен об этом сообщить его помещице. Одежда и обувь ученику – верхнее, нижнее и банное платье – гарантировались за счет наставника. Оговоренная плата за обучение делилась на три части. Повар должен был получать вознаграждение в начале каждого года – по 150 рублей соответственно.

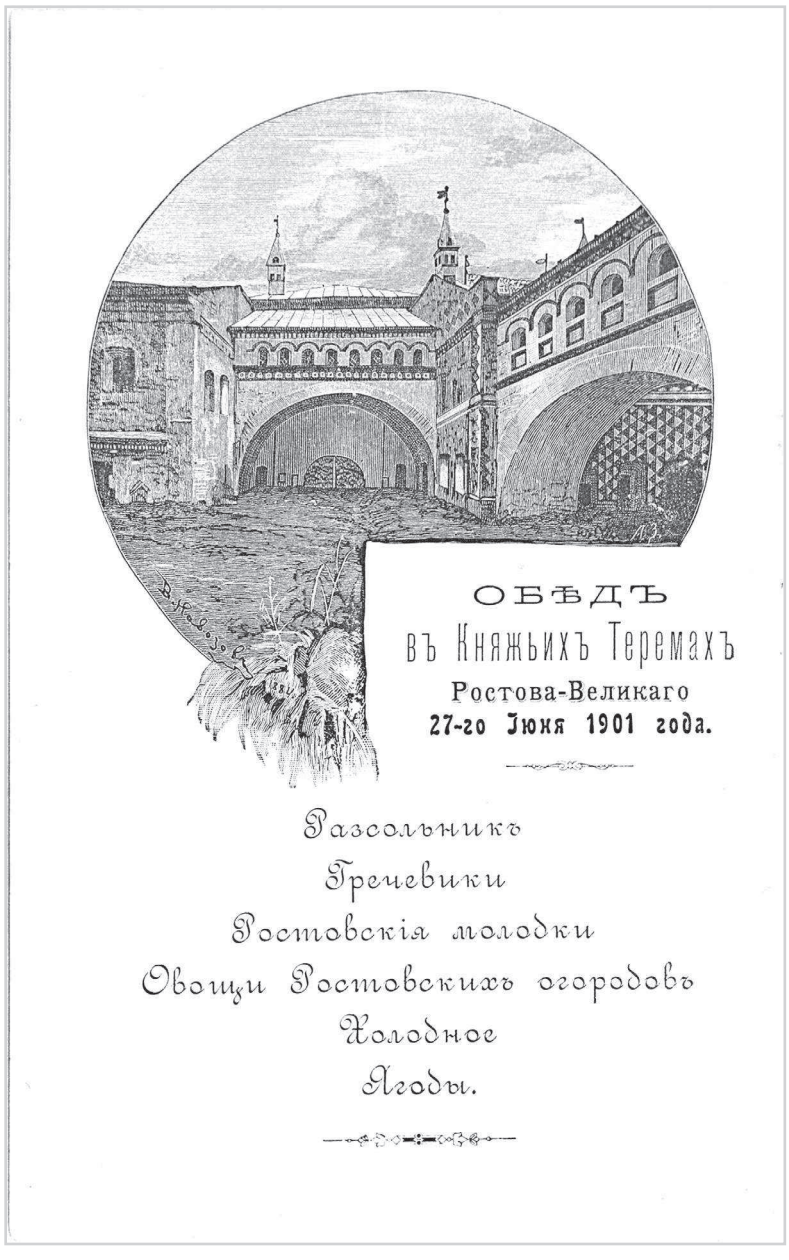
При заключении договора, «дабы все вышеозначенное с обоих сторон было сохранено нерушимо», стороны записали его в маклерскую книгу. Ниже значилось, что в подлинном договоре расписалась Надежда Протасьева, которая и «явила» его 26 октября 1808 г. в Ростове у маклерских дел. Маклер Алексей Привалов записал подлинник «условия» в маклерскую книгу (под № 326).

Александр Морозов

В. А. Михалев, Е. Н. Лупанова. Статуэтка «Кот и повар» по мотивам одноименной басни И. А. Крылова. Ленинградский фарфоровый завод. 1950. ГМЗРК. Рассматривая эту миниатюру советского времени из собрания Ростовского музея, можно пофантазировать о том, как выглядел ростовский повар Михаил Кузнецов

Министерский обед в «Княжьих теремах»

В фондах Ростовского музея хранится любопытный документ – меню обеда, состоявшегося в «Княжьих теремах» Ростовского кремля 27 июня 1901 г. (ил. 1). Что же это было за угощение с подчеркнуто местным ассортиментом блюд – «ростовские молодки», «овощи ростовских огородов»? Устроители музейного пиршества явно желали обратить внимание на здешние кулинарные традиции и поразить гостей археологическим шиком – искусно выполненным меню с рисунком древнего ростовского памятника.



Ил. 1. Меню «Обед в Княжьих теремах Ростова-Великого 27-го июня 1901 года». 1901. ГМЗРК

И хотя карточка меню ничуть не проясняет нам повод столь церемониального обеда, данного в Ростовском кремле, он, этот повод, раскрывается другими документальными свидетельствами.

Летом 1901 г. министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853–1902) со своей многочисленной свитой предпринял инспекторский вояж по губерниям центральной России – Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимирской. Ярославские города он посетил с 22 по 29 июня. В архиве хранителя Ростовского музея Ивана Александровича Шлякова в Государственном архиве Ярославской области нашлось письмо из канцелярии ярославского губернатора Б. В. Штюрмера с подробной программой пребывания министра в губернии и сообщением даты его визита в Ростов (Ф. 693. Оп. 1. Д. 29). Андрей Александрович Титов накануне приезда высокого чиновника делился своими впечатлениями с историком, издателем «Русского архива» Петром Ивановичем Бартеневым: «Ждем на 27 м[инистра] в[нутренних] д[ел] Сипягина. Хлопот не оберешься» (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 593. Л. 149).

Ил. 2. Министр внутренних дел Российской империи в 1899–1902 гг. Д. С. Сипягин. Фото. 1902

И вот, свершилось! Министр в восторге от всего увиденного в Ростове и Ростовском кремле. По сообщению ярославской газеты «Голос», «в 10 часов вечера начался обед, предложенный членами Ростовского музея А. П. Селивановым и А. А. Титовым, в Княжьих теремах, куда из Белой палаты ведут узкие каменные переходы с извилистыми темными лестницами; они реставрированы в 1883 году на средства ростовского купца К. А. Мальгина. Удостоив после обеда беседою представителей г. Углича, господин министр отправился на ночлег в дом И. А. Шлякова» (Голос. 1901. 6 (19) июля (№ 176). С. 3).

Судя по воспоминаниям Сергея Ефимовича Крыжановского (1862–1935), высокопоставленного чиновника в министерской свите, человека наблюдательного и не лишенного чувства юмора, особенно всех впечатлил обед в теремах. «Под конец пребывания в Ярославской губернии Сипягин посетил Ростов Великий, слушал на монастырском дворе знаменитый ростовский “малиновый” звон, для чего ложился даже на спину среди двора, как того требовал древний обычай от знатоков, желавших возможно лучше воспринять этот звон. Вечером был обед в тереме ростовских князей, составленный по старинной, княжеских времен, программе. Ели “взвар” и пирожки с гречневой кашей, рассолы, “верченых” кур и т. п.». Теперь-то мы знаем, как выглядели «ростовские молодки» в тот памятный для музея и его высоких гостей вечер!

Однако, как выясняется, сохранившееся в музее меню – лишь «проба пера», так сказать, заявка на успех. Вполне объяснимо, что к предстоящему министерскому обеду подходили весьма творчески, с выдумкой, хлопоча над его «княжеской» привлекательностью и «программой». В окончательной версии меню, также отпечатанной в типографии, перечень блюд был скорректирован.

Свой дружеский отчет о званом обеде в Ростовском кремле представил П. И. Бартеневу и А. А. Титов. Письмо он поместил на обороте карточки с напечатанным новым меню: «Суп а-ля тортю. Пирожки. Ветчина с ростовским горошком. Молодые курицы и цыплята. Зелень огородная – цветная капуста и стручки. Пломбир. Фрукты и ягоды. Кофе и ликер» (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 593. Л. 129).

Так вот чем потчевались в Ростове в начале XX столетия! Конечно, это был особый случай, и кулинарные фантазии на тему кушаний «княжеских времен» были подстать исторической атмосфере древних палат Ростовского кремля. От обычного рассольника, которым вряд ли удивишь, хоть бы и министра, решили отказаться. «Взвар» (слышатся устные пояснения хлебосольных устроителей обеда!) – тот же «суп а-ля тортю»! Да, именно черепаховый суп от хлебосольных ростовцев (заметим, слишком дорогое удовольствие, а потому точнее, суп как из черепахи) столь пленил министерского чиновника, что он не преминул вписать его мемуарным способом в историю.

Данное экзотическое блюдо прописалось в русских кулинарных книгах еще в начале XIX века. Елена Молоховец, автор знаменитой книги «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» (1861) поясняла, что «суп а-ля тортю» в российских пределах готовится из очень крепкого «красного» бульона, сваренного из нескольких сортов мяса с добавлением различных кореньев. Не рассольник (как в первом меню), так солянка вернее ублажит гастрономические вкусы министра внутренних дел, – рассудили ростовцы!

Продолжение – на 7-й стр.

Ростовская кухня

Министерский обед в «Княжьих теремах»

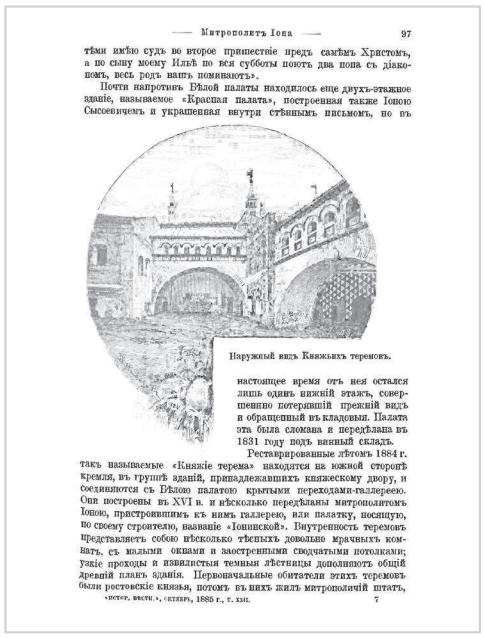
Продолжение. Начало – на 6-й стр.

Одним из главных организаторов обеда 27 июня 1901 г., как очевидно, был купец, историк и один из основателей Ростовского музея Андрей Александрович Титов. Именно он придумал облик «исторического» меню, для которого использовалось типографское клише иллюстрации в его давних публикациях. Впервые гравированный рисунок с изображением «Княжьих теремов» появился в 1885 г. в статье «Митрополит Иона III Сысоевич и его постройки в кремле Ростова Великого», опубликованной в журнале «Исторический вестник» (№ 10. С. 88–101; рис. на стр. 97) (ил. 3). Специально для этой публикации серию рисунков выполнил тогда начинающий книжный иллюстратор и живописец Василий Иванович Навозов (1862–1919), выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества. По крайне мере еще раз А. А. Титов использовал это клише, поместив иллюстрацию в своей книге «Описание Ростова Великого» (М., 1891; рис. на стр. 63) (ил. 4).

Спустя десятилетие, в 1901 г., вид «Княжьих теремов» украсил меню обеда, устроенного ростовцами в этих кремлевских помещениях в честь Д. С. Сипягина. Впрочем, на этом история старинного меню не заканчивается.

Уже в другую эпоху историки, углубляясь в архивные разыскания, смогли установить, что так называемые «Княжьи терема» – это не что иное, как приспешня и поварня бывшего Архиерейского дома. Построенные при Ионе III в 60–70-х гг. XVII века, они служили своему прямому назначению, являясь кухней митрополита. И в том, что министра принимали на кухне, а не в княжеских теремах, вовсе нет никакой иронии. Он был чествован в стенах восстановленного уникального памятника древнерусской архитектуры, каковым уже не одно столетие предстает взору восхищенного зрителя ансамбль Ростовского кремля. Вот и министру Сипягину здесь все понравилось!

Ярослав Смирнов



— Митрополитъ Іона — 97

тѣми имѣю судъ во второе пришествіе предъ самымъ Христомъ, а по сыну моему Илѣѣ по вся субботы поютъ два попа съ діакономъ, весь родъ нашъ поминаютъ».

Почти напротивъ Бѣлой палаты находилось еще двухъ-этажное зданіе, называемое «Красная палата», построенная также Іоною Сысоевичемъ и украшенная внутри стѣннымъ письмомъ, но въ

Наружный видъ Княжьихъ теремовъ.

настоящее время отъ нея остался лишь одинъ нижній этажъ, совершенно потерявшій прежній видъ и обращенный въ кладовыя. Палата эта была сломана и передѣлана въ 1831 году подъ винный складъ.

Реставрированные лѣтомъ 1884 г. такъ называемые «Княжіе терема» находятся на южной сторонѣ кремля, въ группѣ зданій, принадлежавшихъ княжескому двору, и соединяются съ Бѣлою палатою крытыми переходами-галлереею. Они построены въ XVI в. и нѣсколько передѣланы митрополитомъ Іоною, пристроившимъ къ нимъ галлерею, или палатку, носящую, по своему строителю, названіе «Іонинской». Внутренность теремовъ представляетъ собою нѣсколько тѣсныхъ довольно мрачныхъ комнатъ, съ малыми окнами и заостренными сводчатыми потолками; узкіе проходы и извилистыя темныя лѣстницы дополняютъ общій древній планъ зданія. Первоначальные обитатели этихъ теремовъ были ростовскіе князья, потомъ въ нихъ жилъ митрополичій штатъ,

«истор. вѣстн.», «сентябрь, 1885 г., т. XIII. 7

Ил. 3. Страница из статьи А. А. Титова «Митрополит Иона III Сысоевич и его постройки в кремле Ростова Великого» в «Историческом вестнике». 1885 г.

63

Терема построены въ XVI в. и нѣсколько передѣланы митрополитомъ Іоною, пристроившимъ къ нимъ галлерею или палатку, носящую, по своему строителю, названіе „Іонинской". Внутренность теремовъ представляетъ собою нѣсколько тѣсныхъ довольно мрачныхъ комнатъ, съ малыми окнами и

(рис. 27).

Княжьи терема и Іонинская палата.

заостренными сводчатыми потолками; узкіе проходы и извилистыя темныя лѣстницы дополняютъ общій древній планъ зданія. Первоначальные обитатели этихъ теремовъ были ростовскіе князья, потомъ въ нихъ жилъ митрополичій штатъ, а при св. Димитріи ростовскомъ въ 1704—1706 гг. помѣщалось духовное училище.

Зданіе „Княжихъ теремовъ" возстановлено такъ же,

5*

(рис. 26).

Надгробный памятникъ XV вѣка, хранящійся въ Бѣлой Палатѣ.

Ил. 4. Разворот книги А. А. Титова «Описание Ростова Великого» (М., 1891)

Судак по-титовски

Став учеником московского Петропавловского немецкого училища, Саша Титов (ил. 1), сын ростовского купца и историка Андрея Александровича Титова, с осени 1889 г. поселился в Москве в частном пансионе преподавателя этого училища П. И. Бальзона. Ареалом обитания ростовского мальчика теперь была московская Покровка с ее древними урочищами – Старосадский, Петроверигский, Дурасовский, Лялин переулки, Маросейка, Чистые пруды…

Юный ростовец столовался по-домашнему у Бальзона, жена которого готовила обеды и ужины для нескольких учеников-пансионеров. Иногда Саша бывал в семействе друга отца, суконщика Александра Максимовича Попова, проживавшего в собственном доме в Варсонофьевском переулке, на Рождественке, где приглашался к столу наряду с другими детьми, коих было восемь. А когда в Белокаменную приезжали родители, то бежал через Лубянку в Охотный ряд, где в «Лоскутной» гостинице, принадлежавшей тем же Поповым, всегда селились Титовы. Чаще всего кушали здесь, в гостиничном ресторане, или ходили в ближайший «Московский» трактир, считавшийся лучшим в Москве. Однажды в сопровождении своих ярославских родственников Вахромеевых Саша впервые посетил знаменитый «Славянский базар» на Никольской улице: «наш сынок в воскресенье обедал с ними в “Славянском базаре” и пожелал видеть русскую залу», – информировала Андрея Александровича осведомленная супруга.

А когда в 1895 г. Александр, будучи учеником 7 класса, ушел с благословения отца от Бальзонов, он поселился на Малой Дмитровке в квартире брата и сестры Жегиных, родственников Поповых и Шехтелей (семья знаменитого архитектора Федора Осиповича Шехтеля). Наступивший этап своеобразной свободы ознаменовался появлением дневника, который юноша начал вести с конца августа 1895 г., когда после ростовских каникул вновь вернулся в Москву. В небольшую книжицу он почти ежедневно (вплоть до конца года) вносил записи о своих московских впечатлениях и делах – учебе, прочтении книг, посещении театров, выставок, художественных галерей, просветительных лекций, о загородных прогулках, друзьях… И нередко отмечал, где и с кем разделил обеденный стол: «был у папы, обедали в Московском», «обедали у Шехтель», «у нас обедали все дети Шехтель», «обедали с Вахромеевыми в Эрмитаже», «отправился к Поповым, обедал там и просидел до 10-го часу»…

Этот ценный автобиографический документ сохранился в архивном фонде Ростовского музея и даже в свое время был опубликован (Записная книжка Александра Титова (1895 год)/публ. Е. И. Крестьяниновой//Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2003. Вып. 14. С. 24–46). Однако ряд фрагментов дневниковых записей полностью выпали из поля внимания публикатора. В частности, речь идет о рецепте приготовления судака, который Александр Титов счел возможным зафиксировать в своей «записной книжке». Приведем полностью эту запись:

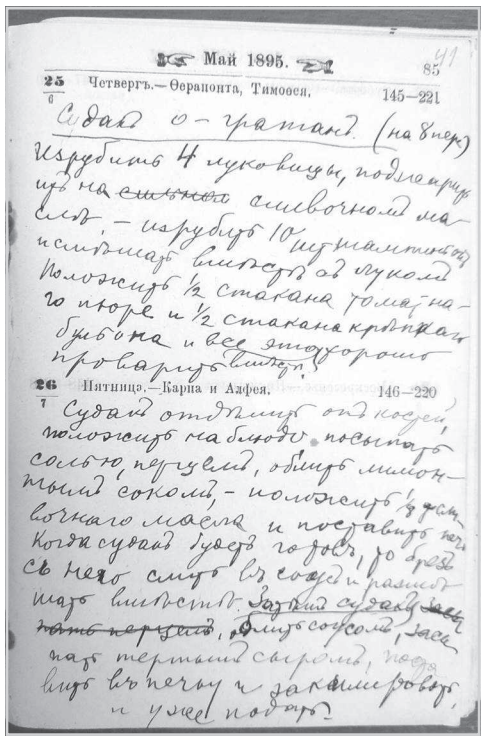
«Судак о-гратен (на 8 персон).

Изрубить 4 луковицы, поджарить их на сливочном масле. Изрубить 10 шт[ук] шампиньон[ов] и смешать вместе с луком. Положить ½ стакана томатного пюре и ½ стакана крепкого бульона, и все это вместе хорошо проварить.

Судак отделить от костей, положить на блюдо, посыпать солью, перцем, облить лимонным соком, положить ⅛ ф[унта] сливочного масла и поставить печься. Когда судак будет готов, то брез с него слить в соус и размешать вместе. Затем судак облить соусом, засыпать тертым сыром, поставить в печку и заколеровать, и уже подать» (ГМЗРК. АД-198/116. Л. 41) (ил. 2).

Александр Титов записал рецепт запеченного судака исключительно потому, что ему особо полюбилось это блюдо. Где он им так впечатлился, мы можем только гадать: у Поповых ли, в «Московском» трактире или в ресторане «Эрмитаж»?.. А может, в родительском доме? Факт тот, что кто-то, кто имел отношение к приготовлению блюда, подробно сообщил ему технологию «о-гратен» (от французского au gratin – запеканка, запеченный под сыром или сухарями), и благодарный едок все подробно записал. Он намеревался сохранить рецепт полюбившегося кушанья и повторить его на домашней кухне – в Москве или Ростове. Во всяком случае, мы можем быть уверены: в ростовском доме Титовых непременно подавали судака о-гратен по рецепту из Сашиной «записной книжки». А потому сейчас, благодаря обнаруженной документальной записи, можем вновь вспомнить это стародавнее аппетитное жаркое, именуя его на новый лад – «Судак по-титовски».

Ил. 1. Александр Титов – ученик Петропавловского немецкого училища в Москве. Начало 1890-х гг.



Май 1895.

25 Четвергъ.—Ѳерапонта, Тимоѳея. 145—221

Судакъ о-гратенъ (на 8 перс.)

Изрубить 4 луковицы, поджарить на сливочномъ маслѣ, — изрубить 10 шампиньоновъ и смѣшать вмѣстѣ съ луком. Положить ½ стакана томатнаго пюре и ½ стакана крѣпкаго бульона и все это хорошо проварить вмѣстѣ.

26 Пятница.—Карпа и Алфея. 146—220

Судакъ отдѣлить отъ костей, положить на блюдо, посыпать солью, перцемъ, облить лимонным соком, — положить ⅛ ф. сливочнаго масла и поставить печься. Когда судакъ будетъ готовъ, то брезъ съ него слить въ соусъ и размешать вмѣстѣ. Затемъ судакъ облить соусомъ, засыпать тертымъ сыромъ, поставить въ печку и заколеровать, и уже подать.

Ил. 2. Рецепт судака «о-гратен» из дневника Александра Титова. 1895 г. ГМЗРК

Судя по дореволюционным кулинарным книгам, рецепт запеченного судка «о-гратен», близкого по технологии приготовления рецепту из музейной рукописи дневника, был хорошо известен. Дополним титовский рецепт «правилами приготовления» из книги П. П. Александровой-Игнатьевой «Практические основы кулинарного искусства», к 1916 г. выдержавшей 11 (!) изданий. Быть может, воспользуется когда-нибудь современный домашний кулинар или ресторатор старинным способом приготовления судака, вспомнив благодарным словом ростовского юношу Александра Титова…

«Очистив цельного судака через спинку, как для кольбер, обмыть, вспрыснув его белым вином и, развернув его, сложить кожею вниз на плафон, смазанный маслом. Покропив судака сверху маслом и вспрыснув белым вином, посолить, посыпать перцем и припустить в духовом шкафу до мягкости. Затем переложить его на металлическое блюдо, на котором судак будет подаваться, и заполнить углубление брюшка гарнирами, т. е. положить в него: спассерованные на масле шляпки белых маринованных грибов, раковые шейки, спассерованные на масле оливки и корнишоны, готовую вареную кнель из судака. Приготовив густой соус-томат на рыбном бульоне, прибавить к нему шинкованные и спассерованные на масле корешки белых грибов, покрыть этим соусом рыбу, посыпать тертым сыром, покропить маслом и минут за 15–20 до подачи поставить в духовой шкаф. Когда судак будет готов, т. е. поверх соуса образуется румяная корочка, вынуть его и огарнировать заранее приготовленными крутонами из белого хлеба, раковыми шейками и порционной рыбной кнелью, разделанной на столовую ложку. Кнель можно подкрасить раковым маслом, приготовленным из скорлупок тех раков, шейки которых взяты для гарнира судака. Чтобы масло не отделялось крупинками, нужно растереть его и понемногу прибавить в него кнелевую массу, а потом уже соединить с остальной массой» (*Александрова-Игнатьева П. П.* Практические основы кулинарного искусства. Составлено преподавательницей кулинарного искусства в Петрограде П. П. Александровой-Игнатьевой. Руководство для кулинарных школ и для самообучения с 108 рисунками. С приложением краткого популярного курса мясоведения магистра ветеринарных наук М. А. Игнатьева/11-е изд. Петроград, 1916. С. 441–442).

Ярослав Смирнов

Церковь Спаса Всемилостивого в Спас-Графской слободе: страницы истории

В филиале Государственного архива Ярославской области в г. Ростове (далее – РФ ГАЯО) в фонде «Церкви Ростовского уезда» (№ 371) хранится дело под заголовком: «Книга о исторических достопримечательностях церкви за 1819–1914 годы». Документ содержит автограф священника Спасослободской кладбищенской церкви о. Иоанна Урусовского, появившийся по поводу тяжбы с крестьянином Николаем Иголкиным из-за нежелания его уступить приходу землю для устройства бульвара. Другой документ представляет собой записку вновь назначенного священника этой церкви о. Михаила Белкина о кончине о. Иоанна Урусовского и погребении его на приходском некрополе.

Обстоятельства появления указанных материалов следующие. По указу Св. Синода от 29 марта 1792 г. в монастырях, соборах и церквях необходимо было записывать в церковную летопись случившиеся достопамятности к «продолжению российской истории». Наместники настоятелей обителей, церковные протоиереи и иереи обязывались вносить книги с церковными летописями в опись монастырского и церковного имущества и обеспечивать им надежное хранение в ризницах.

Публикуемые документы безусловный интерес. В них содержатся сведения о пожертвовании ростовским купцом денег на прокладку бульвара к Спасской церкви и кладбищу при ней. В начале XX в. Спас-Графская слобода располагалась на северо-восточной окраине Ростова, а проход к находившемуся там храму и приходскому погосту из-за плохой дороги был весьма затруднителен, особенно весной и осенью. Чтобы людям было удобно ходить в церковь и из Ростова, приходской священник о. Иоанн Урусовский решил «устроить дорожку». Он обратился к ростовскму купцу Василию Петровичу Кобелеву, согласившемуся дать деньги на устройство тротуара. Поскольку предполагаемая дорожка до Ростова должна была проходить по землям частных владельцев, то некоторые участки удалось выкупить, а 4 крестьянина, в том числе и Николай Иголкин, согласились «на слово» передать принадлежащие им участки бесплатно. Однако в начале работ Иголкин свое решение изменил. Он запросил за него деньги или равноценный участок земли, принадлежащий церкви, переданной в «дар» ростовскими купцами, прихожанами храма Шляковыми, в 1901–1902 гг. Дело дошло до судебных разбирательств и ярославского губернатора, жалобы со стороны Иголкина архиепископу Ярославскому и Ростовскому на приходского священника о. Иоанна Урусовского, церковного старосту Петра Алексеевича Галанина. Судя по документу, получить бесплатно землю Урусовскому не удалось.

Конечно, дав слово, выполняй его! Иголкин в данном случае поступил не совсем хорошо. Но если посмотреть на конфликт с другой стороны, то получается, что крестьянин должен был лишиться принадлежащей ему по закону собственности, о которой священник с иронией написал в летописи: «право собственности священно». Разумеется, Иголкин имел все права, чтобы поступать с ней по своему усмотрению и не поддаться нажиму со стороны окружающих. Запрашиваемый у крестьянина на безвозмездной основе земельный участок, очевидно, мог бы быть одной из материальных ценностей (кроме избы и скромной бытовой утвари в ней), что позволяло ему получать небольшой доход. К примеру, от продажи выращиваемых на нем сельскохозяйственных продуктов. Купец же на «бульварчик» пожертвовал 3 тысячи рублей, и это были значительные средства. Впрочем, сравнивать действия каждого из фигурантов документа дело весьма неблагодарное.

Другой документ содержит сведения о кончине о. Иоанна Урусовского, с указанием ее причины и места погребения священника – при храме, в котором он служил. Эта традиция отчасти сохраняется и в наши дни. Возможно, до болезни и безвременной смерти Урусовского довели судебные тяжбы и жалобы на священника архиерею.

В настоящее время Спасского храма нет. Еще 29 марта 1936 г. члены президиума Ростовского горсовета решили «ликвидировать» Спасскую церковь, а строительный материал использовать для постройки школы № 2 и коммунальной бани. О том, что церковь некогда находилась в этом месте, жителям Ростова и гостям города напоминает установленный в бывшей Спас-Графской слободе крест, а рядом два памятника, чудом уцелевшие после варварского разграбления и уничтожения приходского некрополя в советское время (ил. 1).

Надпись на надгробной плите уничтожили вандалы и стерло время, а на стоящем рядом памятнике можно прочитать: «Под сим камнем погребено тело рабы Божии незабвенной супруги ростовскаго мещанина Ивана Замятина Надежды Никитишны, родившейся в 1835 году сентября 8 дня. Скончалась 1861 года июня 17 дня. Жития ея было 25 лет 9 месяцев 9 дней и сын ея младенец Михаил». Рядом с северной стороны расположен и Спасский бульвар – небольшая дорожка около 200 метров, по бокам которой растут высокие тополя (ил. 2). Таким образом, доброе начинание священника о. Иоанна Урусовского впоследствии было воплощено в жизнь.

Константин Степанов

Ил. 1. Памятный крест на месте уничтоженной Спасский церкви, надгробная плита и памятник из черного гранита. Вид с северо-западной стороны. 30 апреля 2023 г. Фото автора

Ил. 2. Спасский бульвар в наши дни. Вид с западной стороны. 30 апреля 2023 г. Фото автора

№ 1

1906 г. – Запись священника Спасослободской церкви Иоанна Урусовского в церковной летописи о тяжбе с крестьянином Н. В. Иголкиным по поводу земельного участка для устройства бульвара к храму и кладбищу

(л. 17 об.) 1906-й год *(текст подчеркнут черными чернилами)*.

Отчетный 1906-й год должен быть отнесен к числу редких годов по обстоятельствам, имевшим место в жизни Спасографскаго храма. Он готовил всем прихожанам, во главе со священнослужителями велию радость и удовольствие – чрез сооружение, на средства достолюбезнаго прихожанина-благотворителя ростовскаго купца Василия Петровича Кобелева, которым устранялись навсегда трудности по проходу в город и обратно, особенно во время весны и осени, но сей радости не суждено было осуществиться во всей полноте по упорству одного из прихожан Спасографской ц., некоего крестьянина Николая Васильевича Иголкина. Дело обстояло таким образом: среди прихожан нашолся *(так в документе)* добрый человек, который пожелал устроить для пешеходов бульварчик. Скуплены были нужныя земли у частных владельцев, получено было разрешение у городской управы, ибо городской земли предположено было занять под бульвар саж. 70, дано было полнейшее согласие на словах четырмя крестьянами слободы на безпрепятственное проведение бульварчика по их землям, между коими первым изъявил свое согласие и сочувствие доброму делу вышеозначенный крестьянин Иголкин, – и дело сооружения бульварчика пошло своим порядком. Вдруг крестьянин Иголкин, коему, по всему вероятию, захотелось сорвать со строителя, как человека очень состоятельнаго, как можно побольше куш, заявил, что он, Иголкин, уступать безплатно часть из своей полосы под бульварчик не желает. После сего началось судебное волокитство, доходившее до господина ярославского губернатора, но желаемого успеха это дело не имело: бульварчик так и остается до сих пор неоконченным, несмотря на то, что постройка его стоила благотворителю до 3,000 рублей.

Как жалко и обидно видеть дела, подобныя настоящему: добро страдает и зло торжествует, коростныя (*надо бы* корыстныя) цели одного наносят существенный вред общественным церковным интересам, и никому до этого нет дела, ибо как говорится в законе «право собственности священно».

Но Иголкин на этом не успокоился. Видя, что злой умысел *(л. 18)* его не удался, он предпинимает (*надо бы* предпринимает) другой ход, чтоб добиться успеха, он подает прошение архипастырю, в котором чернит честь приходского священника Иоанна Урусовскаго, церковного старосты Петра Алексеевича Галанина, главных виновников, вызвавших бульварчик к бытию, а с другой стороны слезно просит архипастыря приказать кому нужно, запереть навсегда калитку и св. ворота, сделанныя в ограде церковной для безпрепятственного прохода в Спасографский храм и кладбище богомольцам из горожан, или же произвести полюбовный обмен его, Иголкина, полосы на церковную землю, принесенную в дар церкви 4–5 лет тому назад купцами прихожанами Шляковыми. Все эти хитроумныя замыслы Иголкина не имели решительно никакого успеха в настоящем, да едва ли будет успех и в будущем.

Спасослободской кладбищенской ц. свящ. Иоанн Урусовский.

Свидетельствовал благочинной ростовской градской Вознесенской церкви протоиерей Василий Ивановский. 1907 года января 4 дня (*текст в предложении написан другим почерком*).

РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1481а. Л. 17 об., 18. Подлинник. Автограф черными чернилами. Подпись – автограф

№ 2

1907 г., июня 7. – Запись священника Спасослободской церкви Михаила Белкина в церковной летописи о смерти и погребении на приходском кладбище священника Иоанна Урусовского

(л. 18) 1907-й год.

7 июня сего года скончался от рака желудка священник Иоанн Алексеевич Урусовский 52 лет, прослуживший при Спасослободской церкви 5 лет.

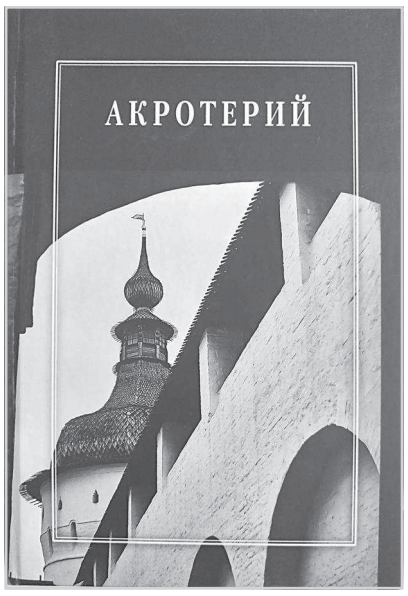
Покойный погребен на местном кладбище

1907 году 10-го июля. Священник Михаил Белкин.

Назначен на священническое место при сей церкви надзиратель Ярославскаго духовнаго училища Михаил Белкин. 6-го августа 1907 года, посвящен в диакона и 8-го во во *(так в документе)* священника. 12 августа служит 1-ю обедню.

РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1481а. Л. 18. Подлинник. Автограф черными чернилами. Подпись – автограф

Во славу и честь Александра Гавриловича Мельника



Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации: Сборник статьей к 70-летию Александра Гавриловича Мельника / отв. ред. член-корр. РАН С. М. Каштанов; сост. Л. Ю. Мельник, Д. Ф. Полознев, Я. Е. Смирнов, Л. В. Столярова. – М.: Квадрига, 2022. – 496 с.; ил.

Словами, вынесенными в заголовок данной заметки о новом научном издании, завершает свою вступительную статью к нему от имени редколлегии доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук Любовь Викторовна Столярова. Поводом приношения А. Г. Мельнику сборника трудов почитающих его коллег явился 70-летний юбилей выдающегося ученого и музейного деятеля, который он в свой день рождения 2 декабря 2022 г. отметил скромно.

Солидный том исследовательских работ российских ученых, и даже одного представителя зарубежья, на этом фоне особо высветил заслуги историка и искусствоведа, вот уже более 30 лет являющегося научным сотрудником музея в Ростовском кремле. Академическая традиция выпуска трудов с персональным посвящением видному ученому, берущая свое начало еще в XIX столетии, обогатилась явлением, навсегда вписавшим имя Александра Гавриловича в историографию «избранных». Особый статус издания, выпущенного под грифом Института всеобщей истории РАН, подчеркивает имя его ответственного редактора – крупнейшего отечественного историка-источниковеда, члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Каштанова.

Выбранное редколлегией необычное название книги – «Акротерий» – обращает внимание читателей на элемент классической архитектуры в виде навершия (декоративного элемента или скульптуры), венчающего здание. Есть в этом наименовании и определенный символизм. Он не только в том, что А. Г. Мельник главной областью своих исследований определяет именно архитектуру, но и в достижениях ученого, всегда устремленного к вершинам знания.

Палитра научных интересов Александра Гавриловича, счастливо обеспеченная эталонным источниковедческим инструментарием и исследовательскими «вершинами» в виде множества статей, книг, выставочных проектов поражает – русская культура, древнерусская иконопись, памятники литературы, искусства и архитектуры, история почитания святых. Подзаголовок издания – «Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации» – раскрывает его содержательную сторону в соответствии с интересами и достижениями ученого. В книге представлено более 20 статей и публикаций, посвященных истории России XV – начала XX в., истории искусства и архитектуры, источниковедению.

Приветствуя выход в свет книги в честь уважаемого и дорогого Александра Гавриловича Мельника, хочется пожелать ему долголетия, неувядающей творческой активности и новых научных вершин.

Ярослав Смирнов

Издатель: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Периодичность – один раз в квартал. Главный редактор: Я. Е. Смирнов. Оригинал-макет: Е. В. Юркина.
Отпечатана: АО «Рыбинский Дом печати», г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8. Офсетная печать. Тираж 950.